

Петров. В.

24/ти 1986

24 ДЕК 1986 ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

...Старый квартал Софии, в котором традиционно жила болгарская творческая интеллигенция, дом с крутым крыльцом. Меня встречает сухощавый, невысокого роста человек, за стеклами больших очков — умные острые глаза. Это хозяин дома — Валерий Петров. Он приглашает в маленький кабинет. Рассматриваю книжные полки. Удивляет большое количество русских книг — Достоевский, Чехов, Салтыков-Щедрин, Бунин, Короленко. А вот «Академический» Пушкин — весь в закладках. Поэтому естественно мое желание начать нашу беседу с Валерием Петровым именно с вопроса о влиянии русской прозы и поэзии на его творчество.

— Благодаря счастливым биографическим обстоятельствам я уже с юношеских лет мог читать на нескольких иностранных языках, так что поэтические влияния, сформировавшие мой вкус, исходили из разных культур. Однако влияние русской и советской поэзии было наиболее сильным. Вы обратили внимание на мою библиотеку — да, в ней много русских книг, в том числе и поэтических. Если говорить об именах, то назову тех авторов, чьи произведения не только стоят на моих книжных полках, но и постоянно живут во мне. Это Маяковский, Есенин (Блок меньше, наверное, по моей вине). Пастернак, явившийся когда-то настоящим откровением, Ахматова, первый контакт с которой принес с собой сборник «Из шести книг», Цветаева (ее стихи я узнал много позже, а до этого жил пред-

из жизни, из глубины души. Только такая правда единственно и рождает поэзию. И к ней должно стремиться с упорством и смелостью.

Лирический герой поэмы Валерия Петрова «Погоней осенью» в час тяжкого раздумья о бренности жизни ведет напряженный диалог с самим собой:

...Исчезнет все. Исчезнет человек.
Как след в песке, его смыает волна.
Без сожаленья! Или нет, не так.
От человека остается знак —
Какой-то след, какая-то строка.
Ведь лист бумаги — он не из песка,
И на бумаге я веду рассказ,
речь о себе, о времени, о нас.

Побеждает уверенность в небесполезности человеческих усилий, в значимости произнесенного слова. Спрашиваю Валерия Петрова о том, как он понимает миссию писателя сегодня.

— Помогать добру в его борьбе со злом в обществе, в самом человеке, ополчаться против насилия, защищать мирный свет. Эта великая гуманистическая миссия всегда была стержнем настоящего искусства. Раздумывая над этим, я как-то пришел к мысли, что выражение «добротное стихотворение» стоило бы понимать не только в том смысле, что стихотворение добротно сделано, но и в том, что оно — добро по своей сути, что оно излучает доброту. И действительно, без любви к человеку, к жизни поэзия, каким бы профессиональным уровнем она ни отличалась, я убежден, не может достичь того, к чему она стремится — общественного отзыва, отклика в человеческой душе.

Валерий Петров — поэт, переводчик, но

Валерий ПЕТРОВ
ИЗЛУЧАЕТ
ДОБРОТУ...

убеждением, что это сентиментальная, чисто «женская» поэзия), потом — Багрицкий, Светлов, Заболоцкий, Тарковский, Твардовский (хотя и далекий мне поintonации), мои ровесники — Самойлов, Мартынов, Слуцкий. Еще Чуковский и Маршак, которых я полюбил в детские годы. Алигер — с ней я знаком лично. Упомянуты были не до конца, к сожалению, выразившую себя талантливую Марию Петровых.

Писать стихи Валерий Петров начал еще в гимназические годы. Первая же его книга вышла в 1949-м. В последующие годы он выпустил еще несколько поэтических сборников. За поэму «Погоней осенью» в 1962 году был удостоен Димитровской премии.

...Я для себя писал ее сначала, но что-то в ней такое зазвучало, что я и близким дам ее прочесть, и, может быть, — кто может знать? — бог весть! — и даже от себя ее таю, надежду эту малую свою — среди людей найдется кто-нибудь, кто, может, и поспорит с ней чуть-чуть, но вдруг поверит трепетно и свято, что встретил современника и брата. (Перевод М. АЛИГЕР)

Это заключительные строки поэмы. Они помогают мне сформулировать второй вопрос к поэту — какими, с его точки зрения, качествами должна обладать поэзия (кроме, конечно, художественности), чтобы она обрела подлинную высоту, вызвала всеобщий интерес?

— На этот вопрос ответить нелегко. Поэтому сразу сделаю оговорку: то, что я сейчас скажу, — мое личное мнение, плод моего опыта и склонностей. Конечно, вы правы: гармония, художественность — без этого поэзии вообще нет. Но правы вы и в самой постановке вопроса, который подразумевает, что это главное — далеко не все для подлинной поэзии. Что же еще?

Я думаю, поэзия обязана быть правдивой, потому что искусство и правда неразделимы. Если такого слияния не происходит, читатель это мгновенно чувствует. Чтобы разоблачить обыкновенную ложь, ту, что встречается в жизни, нужны свидетели и вещественные доказательства. В литературе же ложь разоблачает себя сама, сама кричит читателю: «Я ложь. Не верь мне!» Как это происходит, не знаю. У прозаиков, наверное, действует критерий жизненной достоверности, а у нас, лириков, главное, пожалуй, заключается в искренности тона, который необыкновенным образом подкупает читателя, согревает его и заставляет сказать поэту: «Я верю тебе — говори!» Когда этой искренности нет, нет и контакта, и никакая громогласность или ее антипод — лжеглубокомысленная неясность не спасают. Правда для искусства — вопрос жизни или смерти. Говорю это, исходя из собственного опыта: сколько раз я уходил от правды, столько раз терпел и творческие провалы. Я спрашивал себя тогда: «Почему меня не радует только что написанное? И образы интересные, и мысль эффективно подана, не говорю уж о технике. А не радует. Чего же не хватает? А не хватало как раз правды. Правды, ничем не приукрашенной, никем не инспирированной, в идущей из

он еще и известный киносценарист, драматург (его лирическая пьеса-сказка «Когда розы танцуют» идет на многих сценах Болгарии, поставлена она была и в Москве). Он — создатель оригинального кукольного театра, автор сатирических произведений (известна его деятельность как редактора болгарского сатирического еженедельника «Стыршел»).

Спрашиваю, как удается ему работать в столь разных областях искусства?

— Есть такое народное изречение — «на роду написано», и, наверное, многое в судьбе человека изначально записано в комбинациях его генов. Мой духовный склад оказался таким, что многие виды и жанры искусства поочередно привлекали меня. Сначала писал только стихи и был глубоко убежден, что поэзия есть моя единственная любовь. Но вышло по-другому. В Риме, где я жил несколько лет, довелось стать свидетелем великолепного рождения итальянского неореализма, и это, видимо, способствовало моему увлечению кино. Да нет, какому там увлечению! Кино так захватило меня, что не отпускает и по сей день. Потом как редактор «Стыршел» стал участвовать в создании сатирических спектаклей. И театр оказался второй страстью, может быть, не менее сильной, чем кино. Впрочем, эти два вида искусства (теперь я это понимаю) пленили меня одной общей чертой: они отрывали от письменного стола. Помните стихотворение Цветаевой, где она рассказывает о том, как пыталась убежать от своего рабочего стола, а он преследовал ее, как шах преследует беглянку из гарема? Вот так и я бегу из своего кабинетного одиночества к людям, потому что и кино, и театр — замечательные коллективные искусства. Но письменный стол преследует и меня, и я возвращаюсь к нему, иногда очень надолго. Однажды — на целых тридцать лет. Началось с желания перевести только одну пьесу Шекспира — «Сон в летнюю ночь», кончилось же полным переводом его драматургии — всех пьес.

Потом привлек кукольный театр. Почему? Если вдуматься, в этом нет ничего странного. Ведь театр, который я и раньше пытался создать, — особый, он не умещался в замкнутом пространстве комнаты, он беспредельно раздвигал свои границы, он смешивал реальное с фантастическим, печальное с веселым, прозу с поэзией. А для такого театра искусство кукол открывало широкие возможности.

А на вопрос, как уживаются во мне пристрастия к разным видам искусства, отвечаю: не знаю. И все же главной для меня остается поэзия.

Последний традиционный вопрос к Валерию Петрову: над чем он сегодня работает?

— Пишу стихи. И пьесы... для детей. Большинство из них уже перекочевало из кукольного театра в «живой». Написаны они не в форме привычного диалога, а в форме сказок. Мне приятно писать для детей, работаешь с самым чистым в себе и, может быть, сам становишься чище.

Беседу вели
Светлана СЕЛИВАНОВА
София — Москва